

СЕЛЬСКАЯ ВЛАСТЬ В ОБЫДЕННОМ ВОСПРИЯТИИ КРЕСТЬЯНСТВА КОНЦА XIX – XX вв.

В.Б. Безгин

Кафедра «История и философия», ТГТУ

*Представлена профессором А.А. Слезиным
и членом редколлегии профессором В.И. Коноваловым*

Ключевые слова и фразы: волостной писарь; волостной старшина; сельский староста; урядник.

Аннотация: На основе широкого круга архивных источников анализируется отношение крестьянства к местной власти и ее представителям. Выясняется повседневное восприятие крестьянами деятельности выборных и должностных лиц сельского и волостного уровней.

Решить поставленную задачу и проанализировать отношение крестьян к местной власти в повседневной жизни чрезвычайно сложно. Крестьяне, по понятным причинам, не оставили письменных источников, по которым исследователь мог бы составить представление о том, что думали сельские жители о деревенской власти, как оценивали деятельность ее представителей. Да, в архивах отложились дела об оскорблении должностных лиц, аграрных беспорядках, т.е. те случаи, когда крестьянин по тем или иным причинам вступал (словом или действием) в конфликт с властью местной или коронной. Но такие ситуации не были обыденным явлением. А взаимоотношение с властью происходило постоянно, со старостой практически ежедневно, достаточно регулярно с урядником и волостным старшиной, реже с земским начальником. Все эти многообразные контакты сельского мира со своими выборными представителями волостной бюрократии и чинами полиции находили отражение во впечатлениях и суждениях крестьян. Эти оценки опосредованно мы находим в материалах сенатских и губернских ревизий, публикациях прессы, мемуарах и обширной корреспонденции информаторов этнографического бюро князя Тенишева.

Высшим должностным лицом в сельском обществе являлся староста. Он избирался на сельском сходе. Его функции были весьма разнообразны. Он созывал и распускал сельский сход, председательствовал на нем, приводил в исполнение мирской приговор; наблюдал за исправным содержанием мостов, дорог, соблюдением правил строительного и пожарного уставов; контролировал сбор податей и порядок отбывания повинностей; принимал необходимые меры для охранения благочестия. Староста должен был, безусловно, исполнять все требования местной полиции, судебных следователей, распоряжения земского начальника и всех установлений властей. Он мог подвергаться наказанию в виде общественных работ до 20 дней, штрафу в пользу мирских сумм до 1 рубля или аресту до 2-х суток, и он этой властью при необходимости пользовался. Так, к старосте деревни Саловка Валуйского уезда Воронежской губернии 15 марта 1881 г. обратился Иван Малов, который просил разобраться с его братом Федором. Они с братом разделили

имущество, а надел остался общим и Федор захватил весь участок и начал его пахать. Староста воспретил это, но Федор продолжал распашку, за что и был арестован на сутки [2, д. 11, л. 65].

Должность старосты, хотя и давала определенные преимущества, все же не являлась для крестьян синекурой. Денежного довольствия, выплачиваемого обществом, было явно недостаточно, а добросовестное исполнение обязанностей требовало много времени и сил, нередко в ущерб интересам собственного хозяйства. Свидетельством тому может служить общественный приговор слободы Красной Воронежской губернии от 10 марта 1881 г. «Слушали словесную просьбу сельского старосты об увольнении от должности. Староста был избран на трехлетний срок, отслужил только 2 года, но, принимая во внимание, что служба старосты в настоящее время крайне обременительная, так, что в течение трехлетней службы по хозяйству можно прийти в крайнее разорение, просьбу старосты уважили» [2, д. 17, л. 2об]. Такое положение дел было одной из причин того, что крестьяне, в том числе и состоятельные, соглашались на эту должность только после длительных уговоров. Такое положение не изменилось и к началу XX века. В материалах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности отмечалось: «Трудность приискания на крестьянские должности зависит от того, что лица, на которых возлагаются эти обязанности, отрываются от собственного дела, получая за свою хлопотливую работу недостаточное вознаграждение. Немалую роль в этом деле играет боязнь ответственности, так как даже за маловажные упущения по службе они могут быть подвергнуты штрафам и взысканиям» [9, ф. 1233, оп. 1, д. 108, л. 19].

Существенным недостатком местного самоуправления являлся качественный состав выборных лиц, на что неоднократно обращалось внимание в материалах ревизий как губернских, так и столичных чиновников. Признавая ценность этого вида источника, следует помнить о том, что такие ревизии имели свою специфику, а проверяющие не всегда делали выводы соразмерно объективной обстановке. По результатам обследования Воронежской губернии в своем отчете Александру III от 5 октября 1881 г. сенатор С. Мордвинов писал: «Сельские старосты избираются на три года из людей многосемейных, идут они повсеместно на службу неохотно, в некоторых обществах их назначают против их воли (Чижевская волость Воронежского уезда). Большинство старост неграмотные, есть общества, где старостами служат по очереди (Скляевское общество, Землянского уезда)» [4, с. 4]. Аналогичная оценка ситуации содержалась и в информации, исходящей с мест. Житель с. Хотьково Карачаевского уезда Орловской губернии Иван Морозов в 1898 г., характеризуя местную власть подчеркивал, что «в сельские старосты лучшие силы деревни не идут. Идут те, кто любит «напиться» [10, д. 1102, л. 12]. Действительно, пьянство на сходе было одним из пороков местного самоуправления, давая противникам сохранения общины еще один аргумент для вывода о ее несостоятельности. Не отрицая фактов коллективных пьянок, не единожды описанных в литературе, стоит заметить, что приговоры выносились все же на трезвую голову, а поводов для последующей попойки у «мира» всегда было более чем достаточно. В записке о сельских сходах (90-е гг. XIX в.), обнаруженной в фонде В. К. Плеве, неизвестный автор писал: «Появление пьяных – явление редкое. Пьянство действительно бывает, но не при обсуждении дела, а по окончании его. После схода все идут в кабак, а летом располагаются возле него и тут-то происходит общественная попойка, которая, не смотря на борьбу с ней земского начальника, не выводится» [3, ф. 586, оп. 1, д. 134, л. 8].

Местную власть крестьянин считал ответственной перед собой, поскольку сам участвовал в ее формировании и мог влиять на ее деятельность. Корреспонденты тенишевского этнографического бюро сообщали, что крестьяне охотно шли

на сход, на котором предстояли выборы старосты. Не последнюю роль в выборе играли и личные качества кандидата. Естественным было стремление избрать на должность человека хозяйственного, порядочного, радеющего за общее дело. Старосты, сумевшие снискать авторитет и уважение среди односельчан, порой пребывали в должности не одно десятилетие. В ином случае чередой нерадивых руководителей рождала у селян разочарование. Так, по результатам инспектирования некоторых тамбовских сел в начале 80-х гг., правительственный чиновник в своем отчете записал: «Сельские старосты и волостные старшины, как почти все без исключения неграмотные, играют роль второстепенную. К выборам крестьяне равнодушны, уверяют, что какого бы хорошего человека не выбрали, он непременно в должности испортится; другие стараются избрать людей слабых, боясь самовластия и произвола». Следует признать и тот факт, что в тех обществах, где власть находилась в руках «мироедов», выборы старосты превращались в фикцию с заранее известным результатом. Такое положение дел рождало вполне определенные настроения в крестьянской среде. «Сельские и волостные сходы, которым предоставлен выбор должностных лиц и решение хозяйственных дел, утратили в глазах народа всякое доверие. Не одно дело не решается беспристрастно, ибо не бывает схода без угощения водкой заинтересованными лицами» [3, ф. 730, оп. 1, д. 1541, л. 6]. Из Елецкого уезда Орловской губернии сообщали: «Всю сходку ведут главари, т.н. «горлодеры». Зажиточные в большинстве случаев имеют сильное влияние на сходах. Они всегда в состоянии поставить больше вина. Крестьянские общества всегда вполне добросовестно выполняют все свои обязательства, совершенные за договоренное количество вина». По мере роста крестьянского самосознания и деятельного участия земских начальников ситуация менялась в лучшую сторону. В 1898 г. житель Кромского уезда, Н. Козлов, на вопрос о состоянии сельского самоуправления писал следующее: «Прежде лет 10 назад, было, что крестьяне мало понимали свои права и обязанности и потому все дела на сходе решались под влиянием зажиточных – мироедов и горлопанов. А теперь эти горлопаны положительно усмирились потому, как только ввели земских начальников, так наш земский начальник вследствие жалоб крестьян, некоторых горлопанов за подобные проделки стал сажать под арест» [3, ф. 586, оп. 1, д. 114, л. 57, 80].

Признавая за избранным старостой власть над собой, особые полномочия, данные ему сельским «миром», крестьянин продолжал видеть в нем своего «брата-мужика», которому близки и понятны его повседневные нужды и заботы. В сельской повседневности часто возникали конфликтные ситуации и старосте практически ежедневно приходилось вмешиваться в споры для их полюбовного решения. Так, в Изосимовской волости Тамбовской губернии крестьяне говорили: «жалобы приносятся, прежде всего, старосте, который старается смирить тяжущихся». Таким образом, в глазах крестьян староста выступал представителем неформального сельского судопроизводства. Крестьяне Покровской волости той же губернии заявляли, что когда в какой драке или ссоре обращались к старосте, то он склонял стороны к миролюбию. Суд старосты носил характер примирительного разбирательства [1, с.14]. Но, при необходимости охраны общественного спокойствия, староста не останавливался перед применением жестких мер по отношению к нарушителям порядка.

Каждый крестьянин считал старшину, старосту и других выборных лиц равными себе, утверждая, что «ты сегодня, а я завтра буду старшиной или старостой» [3, ф. 586, оп. 1, д. 114]. Но при всем при этом однообщественники не забывали о том, что староста лицо должностное, он облечен властью. В связи с этим интересно суждение орловского крестьянина, который объяснял: «Коли староста у знака – так ен и староста, толи за грудки его не трогай, а то засудят пуще, чем за

барина – потому власть, а коли ен без знака, то хоть морду засвети, что твоему мужику – ничего не будет» [10, д. 1104, л. 13]. В обыденной жизни, именно формальные атрибуты власти, нагрудный жетон старосты или старшины, являлись для крестьян наглядным подтверждением их властных полномочий. Правда, представители сельской власти не злоупотребляли знаками своего должностного отличия. Крестьянин А. Кротков из Знаменской волости Орловской губернии делился своими наблюдениями: «Сельское начальство вывешивает знаки только тогда, когда прибудет кто-то из начальства, да в случаи грубости и неповиновения кого из крестьян, а в остальных служебных делах они носить их совестятся» [10, д. 992, л. 14].

Сложность положения сельского старосты заключалась в том, что он находился, как говорят «между молотом и наковальней». С одной стороны, будучи избранным сходом, он должен был отстаивать и защищать интересы этого общества. Но, с другой стороны, являясь должностным лицом, он был обязан проводить в жизнь распоряжения и установления государственной власти. О зависимости старосты от воли сельского общества и готовности его идти до конца в отстаивании «мирской воли» свидетельствует следующий факт. «Я совершил более ста актов выдела из общины и не разу не встретил случая добровольного согласия общества на выделение кого-либо из общинного владения. Везде общества не давали согласия на выделение тем или иным членам ... и ни какими страхами на них не подействуешь, – делился печальным опытом земский начальник Гайворонского уезда Курской губернии, – зовешь старосту и под угрозой ареста и штрафа показываешь ему подписать приговор о выделении из общества, но получаешь категорический отказ. Староста переносит и штраф, и арест, но упорно повторяет, что общество не велело давать согласия» [9, ф. 1291, оп. 120. (1908), д. 103, л. 3].

По иному складывалась ситуация, когда староста выступал представителем коронной власти, в частности, при сборе податей и недоимок. Н. Брежский по этому поводу писал: «Сельские старосты превратились в безответственных слуг низшей полиции, главная обязанность которых состояла в сборе податей и применении принудительных мер к односельчанам – недоимщикам». Приведем лишь один пример – письмо с фронта. Оно свидетельствует о том, что солдаты внимательно следили за всем тем, что происходит в их родной деревне. Из письма прапорщика 5-й роты 234 Богучарского полка от 15 февраля 1915 года: «Дьяченковский сельский староста Нестеренко при взыскании податей врывается в избы семей запасных, забирает самовары, забирает мелкий рогатый скот, орет во все горло, пугает старуху-мать, жену и малых детей, производит целый разгром, выколачивает последние деньги» [3, ф. д-4, (1915), оп. 124, д. 14, ч. 7, л. 4об].

Нередко социальные интересы оказывались выше всяких должностных обязанностей. В этом случае старосты часто занимали место вожака и руководителя деревенского бунта. Особенно это наглядно проявилось в остром противостоянии с помещиками в ходе крестьянской революции начала XX века. Своим присутствием, а порой и активным участием они придавали аграрным беспорядкам некую иллюзорную легитимность. Погромы, в глазах крестьян, превращались в акт торжества справедливости, форму реализации мирского приговора. Вот как описывает участие старосты в погроме М. Шаховской, в своей исторической справке о крестьянском движении 1905 – 1907 гг: «Крестьяне являлись в имение во главе со старостой, который с бляхой на груди следил за правильностью распределения хлеба. На первых порах крестьяне брали в имении только зерновые, пищевые и кормовые продукты, а, кроме того, не разрешали друг другу брать ничего, говоря: «Не по закону, нельзя» [12, с. 56]. Орловский губернатор в донесении в департамент полиции сообщал: «26 августа 1907 г. обнаружена самовольная порубка в Чернавском имении Великого князя Михаила Александровича, произведенная

крестьянами д. Власовки, Круглинской волости, Дмитровского уезда (20 человек) вместе с сельским старостой. Порубка леса производилась в течение полумесяца группами по 5 – 10 человек» [3, ф. ДП. ОО, оп. 1906, д. 700, Ч.7(3). л. 240]. В ряде мест старосты выступали руководителями открытого сопротивления властям. Приведем лишь один пример. «Крестьяне селений Глядино и Хлебтово Севского уезда Орловской губернии во главе со своими старостами требовали от заведующего владимирским хутором 31 мая 1906 г. прирезки земли. В это время на хутор приехал пристав с 17 конными стражниками и земский начальник. С криками «Бей земского!» крестьяне, вооруженные оглоблями, бросились на конных стражников. Стражники открыли стрельбу и ранили в живот крестьянина Федора Тяпина, который вскоре скончался» [3, ф. 102. ДП ОО, оп. 1906 (II), д. 236, л. 52 об].

Властные полномочия старост на фоне фактического отсутствия должной материальной оплаты их нелегкого труда являлись благодатной почвой для служебных злоупотреблений. Староста «сшибал бутылки» у крестьян, заинтересованных в утверждении сходом их ходатайств, растрчивал общественные деньги (редкий ежегодный финансовый отчет не выявлял растрат), устраивал махинации с земельными наделами через подставных лиц. Но, помня о народной пословице – «быть у воды и не напиться», односельчане были, как правило, снисходительны к этим грехам. На растрату мирских сумм должностными лицами в деревне смотрели легко. Редко когда дело доходило до суда. «Да пропади они пропадом эти деньги», – можно было услышать в таких случаях; – Станем мы из-за целкового губить человека. Внесем. Более платили – живы бывали, а магарыч с него выпьем, чтобы другим не повадно было. Все мы крещенные» [3, ф. 586, оп. 1, д. 134, л. 11об, 12]. Корреспондент тенишевского этнографического бюро В. Перьков из Болховского уезда Орловской губернии в 1898 г. писал об этом следующее: «К взяточничеству относятся легко, жалоб почти не бывает. Взятки берут, начиная с десятского и кончая волостным старшиной. В случае растраты общественных сумм, если у виновного нет возможности уплатить, он просит сход, пожалеть его – и при этом ставит водку. Мужики делают снисхождение, говоря: «с кем греха не бывает, запутался сердешный», – пьют водку, и растраченные деньги раскладывают по душам или по земле. Недостающую сумму собирают, не доводя дело до начальства» [10, д. 1034, л. 8].

Другим представителем выборной сельской власти являлся волостной старшина. Он избирался на волостном сходе и получал из мирских сумм денежное содержание в размере от 100 до 600 рублей. В его задачу входило: сбор государственных повинностей, исполнение решений волостного суда, исполнение распоряжений земского начальника и прочее. Источники свидетельствуют, что представители сельских обществ охотно принимали участие в волостном сходе, сознавая всю значимость осуществляемого выбора и ответственность за принимаемые решения. Должность волостного старшины вызывала у крестьян уважение, что выражалось в безусловном исполнении его распоряжений и обращениях к нему с целью разрешения тех вопросов, которые не нашли своего решения на местном уровне. Отношение к волостной власти выражалось в традиционных подношениях к Рождеству, Пасхе, престольным праздникам. Информатор Н. Козлов из села Архангельского Кромского уезда Орловской губернии сообщал: «С поздравлениями к земскому начальнику, становому приставу не ходят, боясь преследования за это. Старосту, сотского, десятских не поздравляют, не считая это нужным. Но к волостному старшине и писарю являются с поздравлениями и подношениями к каждому празднику» [3, ф. 586, оп. 1, д. 114, л. 32].

В уже упомянутом отчете сенатора С. Мордвинова давалась следующая оценка волостных старшин селений Тамбовской губернии, подвергнутых ревизии в 1880 году. «Волостные старшины большей частью неграмотны или малограмот-

ны. Однако же встречаются люди грамотные, умные, распорядительные, таковы волостные старшины Грязенской, Фашевской и Сокольских волостей, Липецкого уезда и Горельской волости Тамбовского уезда». Проверка выявила и факты превышения волостными старшинами своих должностных полномочий. Так, старшина Казачинской волости Шацкого уезда Новиков, приводя в исполнение решение волостного суда, присудившего просителя за воровство к двадцати ударам розгами, наказал его сорока ударами [4, с. 3]. В январе 1887 г. уполномоченные 3-й части Подворгольского общества Елецкого уезда Орловской губернии направили в Сенат жалобу на действия волостного старшины. В жалобе, в частности, говорилось о том, что под давлением старшины был составлен приговор о желании крестьян перейти от ревизской разверстки земли к переделу на наличные души. Для достижения своей цели старшина несколько раз уговаривал крестьян, применяя попойки и угрозы. По его приказу шесть крестьян были наказаны розгами, а при составлении приговора в него были внесены крестьяне, находившиеся в самовольном отъезде, и за них расписались [3, ф. 1344, оп. 10, д. 314, л. 4, 5].

Как и сельские старосты волостные старшины нередко оказывались заложниками своего двойственного положения. Это находит свое подтверждение в материалах местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902 – 1904 гг.). «Должностные лица сельского и волостного управления, находясь в зависимости от избравших их членов общества с одной стороны, и подчиненные начальству, с другой, становятся в безвыходное положение, служить двум господам». Волостной старшина В. Беседин жаловался на заседание Курского уездного комитета: «Волостной старшина, руководя крестьянами, в тоже время и сам состоит от них в зависимости, поэтому крестьяне не особенно скоро подчиняются его распоряжениям, некоторые даже не стесняются высказывать вслух, что они могут убавить жалование. ... Лица, которые стараются лишь в точности исполнить требования начальства, обыкновенно, едва дослуживают до следующих выборов, и на второе трехлетие их уже не избирают» [7, с. 104]. Конечно, многое зависело от личных качеств должностных лиц, и поэтому не следует спешить делать обобщения, тем более источники содержат примеры и иного рода. В записке сенатора Н.А. Хвостова (1905 г.), он характеризует выборных лиц Елецкого уезда следующим образом: «Местное волостное правление находится в версте от моей усадьбы, и я знаю, что в нем делается. Выборы еще со времени моего отца, посредника 1-го призыва, проводились закрытой подачей голосов. Состав волостного правления был так хорош, что в течение последних десяти лет старшина прослужил в должности 12 лет» [6, л. 5, 6].

Положение «слуги двух господ» постоянно выступало источником недовольства как крестьянского сообщества, так и местной администрации. Наглядно это противоречие проявилось по мере роста социальной напряженности в деревне, в ходе крестьянского движения начала XX века. В приговорах тамбовских крестьян, опубликованных исследователем Л. Сенчаковой, содержалась следующая характеристика волостной власти. «Волостное правление и суд обслуживают большей частью нужды правительства: воинская повинность, взыскание налогов с крестьян и прочие общественные нужды». «Сильное притеснение мы терпим со стороны земских начальников, от старшин поставленных земским, от полиции – вся эта кампания идет против нас. Жалобы наши на этих сановников остаются без ответа» [11, с. 170, 177]. В силу своего зависимого положения, волостные старшины в большинстве случаев выступали послушным орудием в исполнении распоряжений и указаний местной администрации. Хотя имеются свидетельства и иного рода, когда в силу обстоятельств руководители волостного самоуправления вступали с властью в открытый конфликт. Так, в департамент полиции МВД из Орловского губернского правления сообщали, что «селе Алексеевском 23 декабря

1905 г. арестованы руководители крестьянских беспорядков во главе с волостным старшиной Игнатом Казьминым» [3, ф. ДП ОО, оп. 236, д. 700, ч. 7, л. 3об].

Волостное правление трудно было представить без фигуры волостного писаря. Как и волостного старшину писаря выбирали на волостном сходе. На нем лежало все делопроизводство правления и суда. Он вел десятки книг по волостному правлению и готовил решения волостного суда. Нередко писарь был единственным грамотным членом волостного правления, что еще более усиливало его вес и влияние в глазах окружающего населения. К его услугам крестьяне прибегали в случае необходимости составления деловых бумаг: жалоб, прошений, купчей, закладной и т. п.

За чисто формальными функциями писаря селяне быстро узрели истинное значение этого «серого кардинала» волости. Так, в Кромском уезде Орловской губернии местный крестьянин рассказывал про писаря так: «У нашей волости есть один хозяин волостной писарь, а не волостной старшина, потому, что старшина ничего и никакого дела не знает и не понимает, почему все крестьянские дела зависят от писаря. Например, придешь домой к сельскому старосте или волостному старшине, а писаря в волости нет, так они всегда отвечают тебе: «Подожди брат, вот поговору с писарем, как он скажет» [3, ф. 586, оп. 1, д. 134, л. 18]. В докладе комиссии Воронежского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 году отмечалось: «Безграмотные или малограмотные старосты и старшины не имеют совершенно никакого понятия о своих обязанностях, и вся их деятельность ограничивается беспрекословным исполнением приказаний разных начальников и, главным образом, волостного писаря, или же в извлечении каких-либо материальных выгод для себя. Нередко они впадают в пьянство. Самое главное лицо в деревне волостной писарь, но он подчиняется своему произволу и усмотрению не только старшину, но даже волостной суд» [7, ф. 279, оп. 2, д. 119, л. 160об].

Крестьяне понимали, что от писаря зависит решение большинства вопросов, и поэтому стремились всячески выказать ему свое уважение, а при необходимости задобрить его различными подношениями. В селе Крестовоздвиженские Рябинки Орловского уезда крестьяне говорили про своего волостного писаря, что «он без стакана водки через порог не ступит» [3, ф. 586, оп. 1, д. 134, л. 121]. Из Тамбовской губернии сообщали, что «весьма часто приговоры обществ составляются писарем, и по его указанию подписываются кем-либо за безграмотных, во все не являвшихся на сход. На волостном суде такие же обычаи, как на сходе – писарь, под предлогом указания законов подсказывает решение. Относительно писаря крестьяне выражались: «мы прежде были за помещиком, теперь за писарем» [3, ф. 730, оп. 1, д. 1541, л. 6].

Особое положение писаря неминуемо рождало злоупотребления с его стороны. Уже упомянутая сенаторская проверка дала следующую оценку деятельности волостных писарей. «Влияние их огромное и злоупотребление, как видно из дел уездного присутствия, многочисленные, но как видно, при посещении волостей, эти злоупотребления открываемы не были, так как крестьяне боятся жаловаться на писарей». Но в этом же документе приводился факт иного рода, свидетельствующий о том, что при разумном подходе к делу можно было избежать мздоимства со стороны сельских бюрократов. «Особенно хорошие отзывы были даны о волостном писаре Спасско-Городской волости Спасского уезда Тамбовской губернии. По словам крестьян, их писарь отличался не только знанием своего дела, но и добросовестным исполнением лежащих на нем обязанностей. Сами крестьяне, назначив ему очень хорошее содержание в размере 700 рублей, вполне обеспечили его материальное положение, в силу чего у того не было искушения производить с них какие-либо незаконные поборы за выдачу паспортов и другим делам» [4, с. 3, 6].

И после отмены крепостного права продолжало действовать «Положение о земской полиции» 1837 года, согласно которому общества должны были назначать из своей среды низших полицейских – десятских и сотских – помощников старост и старшин и, одновременно, – соглядатаев за их работой. Десятские и сотские избирались на сходах, подчинялись полицейскому уряднику, становому приставу и полицейскому управлению. Они наблюдали, чтобы в храме во время литургии и вне его, во время крестных ходов, молебнов не было нарушения благочиния. В их обязанности входило обеспечение безопасности жителей деревни от воров и разбойников. В случае возникновения эпидемии, эпизоотии они доносили становому приставу, а при пожаре принимали надлежащие меры для его тушения.

В народе сотских прозвали «ошары». Это название они получили за то, что в случае кражи в селе проводили розыск пропажи, в ходе которого «ошаривали» все углы и закоулки. Особой симпатии к сотским крестьяне не питали, но уважение к должности выказывали. При встрече в кабаке крестьяне их не обносили рюмкой. Десятских крестьяне не боялись, потому что каждый крестьянин по очереди ходит десятским [3, ф. 730, оп. 1, д. 1541, л. 113]. На практике сотские и десятские часто выполняли чисто технические функции при становом приставе и уездном исправнике, часто играя роль письмоводителей, денщиков или просто бесплатной рабочей силы.

В отчете за 1901 г. орловский губернатор дал следующую характеристику чинам земской полиции: «Десятские и сотские, избираемые сельскими обществами, лишены всякой самостоятельности и независимости. Ничтожное вознаграждение, получаемое этими лицами, заставляет всех благонадежных и состоятельных домохозяев отказаться от службы и контингент сотских и десятских пополняется часто людьми небезупречных в нравственном отношении, малообеспеченных, желающих поправить свое положение путем незаконных поборов. Всякое избранное из своей среды сходом на полицейскую должность лицо, вследствие общности интересов и полной зависимости от избирателей, делается послушным воли и желания схода, не редко не оправдываемых законом и местными нуждами».

Функции по поддержанию правопорядка в селах и деревнях были возложены на урядников. В их подчинении находились сотские и десятские, которые при необходимости должны были оказывать уряднику деятельную помощь в наведении должного порядка. Задачей урядника являлось сыск беглых, расследование мелких преступлений, задержание виновных, а также пожарная профилактика, контроль над санитарным состоянием, поддержание мостов и дорог и т.д.

Оценка деятельности урядников официальной властью была негативной. «Размещенные по волостям и поставленные таким образом в несколько независимое положение, урядники, набранные из людей полуграмотных и далеко неразвитых, присвоили себе над крестьянами и должностными лицами крестьянского управления начальническую власть, которой при сравнительной своей грубости злоупотребляют. Вмешательство во все дела они фактически устранили полезную полицейскую деятельность старосты и волостного старшины» [3, ф. 730, оп. 1, д. 1541, л. 2об].

Представляя в волостях исполнительную и отчасти судебную власть, урядник считался в подведомственном участке «хозяином», хотя в чиновничьей иерархии занимал место весьма скромное. При встрече с урядником каждый крестьянин снимал шапку и отвешивал поклон. При разговоре величал его «ваше благородие» и во время разговора шапки не надевал. Крестьяне урядника боялись и старались беспрекословно исполнять его приказания. Хотя, под шумок, и говорили между собой, – «Какой ен благородие? Усе такой-же мужик, как и мы, только в солдатах побывал!» [10, д. 1102, л. 10].

Урядники не отличались деликатностью в обращении с крестьянами. Исполняя приказы начальства, они не знали жалости, в отличие от сотских и десятских, которые проявляли снисходительность к своим односельчанам. Чаще всего урядники говорили с мужиками грубо, начальственным тоном, всячески стремясь подчеркнуть значимость своего положение. Но, эти деревенские слуги закона, в глазах крестьян не имели веского значения, благодаря нравственному убожеству. Если крестьяне и относились к ним до некоторой степени с уважением, то это потому, что урядники облачены в форму, а в форме мужик видел не своего брата мужика, а чиновника. Урядников народ прозвал «курятниками» за то, что они очень были падки на угощение и взятки самого мелкого разбора. Так, они беспрестанно проверяли кабаки, лавочки, где их одаривали каждый раз, чтобы задобрить на будущее. На престольный праздник в селе урядника приглашали из одного двора в другой, с просьбой отведать угощения. [3, ф. 586, оп. 1, д. 114, л. 96, 118].

Однако, отношение селян к представителям местной власти определялось не столько должностью, а, прежде всего, личными качествами чиновника. Приведем лишь один пример. Священник Птицын из села Петрушко Карачевского уезда Орловской губернии в мае 1898 года писал: «У нас полицейским урядником служит из крестьян Семен Васильевич Рудаков. Крестьяне считают его лучшим начальником, заступником и помощником во всех обидах, преследователь разных бесчинств и преступлений. Жизнь он ведет честную и добропорядочную. С крестьянами обращается вежливо, при исполнении приказаний начальства тверд и настойчив» [3, ф. 586, оп. 1, д. 114, л. 12].

Явное неуважение к должностным лицам крестьяне выказывали очень редко. Оскорблять в глаза высшее начальство: земского, исправника, станowego, старшину считалось невозможным. Старосту, сотского и иногда урядника крестьяне могли изругать матерными словами при исполнении ими служебных обязанностей. Если рассматривать престиж власти, как выражение меры согласия крестьян на подчинение, то представители земско-уездного уровня не встречали открытого неповиновения со стороны крестьян своим распоряжениям. Все приказания земского начальника, полицейского управления и других учреждений исполнялись беспрекословно, так как мужики видели в начальниках лицо, уполномоченное Государем Императором. И идти против начальства и оказывать ему неуважение считалось в деревне не только преступлением, но и большим грехом. Крестьяне оправдывали существование высшей власти: «нельзя тоже без начальства», «не от нас оно, и в Писании вон есть, что властям повинуются». В повседневной жизни крестьяне не проявляли явного неуважения к вышестоящим властям потому, что те были достаточно дистанцированы от насущных крестьянских проблем. Как убедительно свидетельствуют источники, случаи неповиновения, ослушания имели место обычно тогда, когда затрагивались материальные интересы домохозяев.

Готовность подчиняться власти сочеталась в крестьянском восприятии с требованиями, которые сельское население предъявляло к ее представителям. Так, считалось недопустимым для начальствующих лиц исполнение обязанностей в нетрезвом виде, пристрастное ведение дела в силу знакомства или родства, отдача распоряжений с целью личной выгоды, равнодушное отношение к женскому полу. В частности, народ оказывал неуважение к волостному и сельскому начальству, когда они вели знакомство с торговцами, кабатчиками и зажиточными крестьянами и пользовались от них подарками, в делах допускали пристрастие, мирволили кумовьям, сватам, или, когда они обращались с крестьянами грубо [3, ф. 586, оп. 1, д. 114, л. 33,43]. Крестьяне больше всего ценили вежливое обращение к ним. При таком обращении они и сами бывали вежливы, и всякое приказание исполняли быстро и в точности. Но становились настойчивы и упрямы, когда начальник обходился с ними грубо или, когда замечали с его стороны усмешку или иронию.

Список литературы

1. Березанский П. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии / П. Березанский. – Киев, 1880. – 224 с.
2. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 6. Оп. 1.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
4. Мордвинов С. Экономическое положение крестьян Воронежской и Тамбовской губерний / С. Мордвинов. Б.Г. Б.М. – 634 с.
5. Новиков А. Записки земского начальника / А. Новиков. – СПб., 1899. – 240 с.
6. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 58/II. Карт. 12. Ед. хр. 5.
7. Прокопович С.Н. Местные люди о нуждах России / С.Н. Прокопович. – СПб., 1904. – 275 с.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
9. Российский государственный исторический архив (РГИА).
10. Российский этнографический музей (РЭМ). Ф. 7. Оп. 2.
11. Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания российского крестьянства 1905-1907 гг. По материалам центральных губерний. В 2-х ч. / Л.Т. Сенчакова. – М.: ИРИ РАН, 1994. – Ч. 2. – 428.
12. Шаховской М. Волнения крестьян. Историческая справка / М. Шаховской. – СПб., 1907. – 72 с.

Village Power in Routine Perception of Peasantry at the End of XIX – XX Centuries

V.B. Bezgin

Department of History and Philosophy, TSTU

Key words and phrases: village warden; volost foreman; volost clerk; uryadnik.

Abstract: The attitude of peasantry to village power and its representatives is analyzed on the basis of wide set of archive sources. Peasants' routine perception of elected and official members' activity at the level of village and volost is found out.

Landmacht in der alltäglichen Auffassung der Bauernschaft des Endes der XIX. – XX. Jahrhunderte

Zusammenfassung: Auf Grund des breiten Kreises der Archivquellen wird die Beziehung der Bauernschaft zur lokalen Macht und ihren Vertretern analysiert. Es wird die alltägliche Auffassung von den Bauern der Tätigkeit der wählbaren und ländlichen Beamten des Landniveaus aufgeklärt.

Pouvoir rural dans la compréhension courante des paysans de la fin des XIX – XX siècles

Résumé: A la base de données des sources des archives est analysé le rapport des paysans et du pouvoir et de ses représentats. Est montrée la compréhension courante de l'activité des autorités élus et des fonctionnaires ruraux.